

Александр Грин

**Жизнеописания великих
людей**

Александр Степанович Грин
Жизнеописания великих людей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=274562

Аннотация

Герои хоронят... книги.

© *FantLab.ru*

Содержание

I	4
II	10
III	14

Александр Степанович Грин Жизнеописания великих людей

I

«Набело и начерно! Набело и начерно!» – твердил, подперев голову руками, Фаворский; элегически пьяный, он чувствовал себя несокрушимой силой, гением, озаренным молниями. Перед ним стояли треска с луком, лекарство из казенной винной лавки и зеленые пивные бутылки, в которых, подобно лесному солнцу, сверкало трактирное электричество.

– Начерно – это что я в душе пережил и переживаю, – бормотал Фаворский, – это, следовательно, мои мысли. А набело – мысль, воплощенная в жизнь. Сама жизнь. Жизнь, сотворенная властной волей Фаворского. Эх! – вскричал он, тяжело осматривая трактирный зал, где у потолка, чихая от табачного дыма, отчаянно заливался больной жаворонок, – да, – царит пошлость здесь, на земле, и в пошлости этой я, пленный жаворонок... томлюсь!

– А сколько сегодня градусов? – услышал он неожиданно обращенный к нему вопрос с соседнего столика.

Фаворский высокомерно повернул голову. Пухлые, смеющиеся глаза на кирпично-красном лице, бесцеремонно подмигивая и усмехаясь, рассматривали Фаворского. Спросивший был одет в теплый меховой пиджак, шарф и валенки. Усы и бороденка этого человека были как бы между прочим; казалось, что и без них лицо останется тем же язвительно-благодарным, крепким и пожилым.

– Я вижу, – презрительно сказал Фаворский, – что вы отсюда же.

– То есть? Что-то я...

– Из мира пошлости.

– Это что я насчет градусов-то спросил?

– Оно самое.

– Хм! Меня зовут Чугунов, – медленно, в прискорбном раздумьи, произнес человек в валенках, – да, Чугунов моя фамилия. Сорок лет я живу на сей юдоли, а такого чудака, как вы, папаша, еще не видывал.

– Разве вы не понимаете, – горячо заговорил хмельной Фаворский, – что градусы – пошлость, не нужны вам? Теплее вам будет или холоднее, если узнаете? Нисколько.

– Как смотреть, милый.

– Ну и смотрите.

Фаворский отвернулся. Навязчивый Чугунов был ему противен и жалок, являя собою темную каплю мещанского

моря, из хлябей которого тянулся в горнюю высь двадцать семь лет сын кладбищенского дьячка Фаворский. Вино и слезы бушевали в его груди. Пьяный, он никогда не сомневался в том, что ему суждено свершить нечто великое, изумительное, громоподобное. Но что? Семнадцати лет выгнали его из семинарии за непочтение к Авессалому, которому гласно, при экзаменаторах, советовал он задним числом не болтаться, уцепившись волосами за дерево, а отсечь мечом шевелюру и бежать. Фаворский был поочередно поэтом, романистом, изобретателем и, вместе с тем, кормился черной канцелярской работой присутственных мест. Его гнали из редакции, смеясь в лицо; модель летательной машины, построенная им с помощью клея и ножниц из картона, валялась на чердаке, после постыдных мытарств среди серьезных людей; его картину «Страшный суд», на которой был изображен дьявол в виде орангутанга, хворающего желудком, давно использовали пауки одной из лавок толкучего рынка, куда, по цене рамы, за полтора рубля продал ее Фаворский бойкому костромичу. Жил этот странный, с бледной, как тень, жизнью, человек пылким восторгом перед величием великих мира сего; с их светлой и трагической высоты смотрел он на все, кроме себя.

– Мусью! – сказал Чугунов. – Обиделся, что ль?

– Да. За человека обиделся. Но... не ведаем, что творим.

– Аминь-с. Разрешите присесть?!

– Я разрешу, – сказал, добрея от частых рюмок, Фавор-

ский, – но что? Какая цель ваша?

Чугунов не спеша перебрался со своей водкой за столик Фаворского. Устроившись поудобнее, сняв шапку и положив локти на стол, он налил рюмки, чокнулся, выпил, закусил крутым яйцом и сказал:

– Цели нет-с. А задели вы меня, да-с. Что есть пошлость, я, изволите видеть, понимаю-с, а как вы меня этим обозвали, то что же, по-вашему, наоборот?

– Наоборот? – Фаворский поднял брови и улыбнулся. – Поймете ли вы? Величие духа.

– Духа?

– Да.

– Души, то есть, это?

– Ну, души.

– Вот и задача. Вы с величием или без оного?

– Человек, – грустно и важно сказал Фаворский, проливая водку, – человек, – знаешь ли ты, что были Рафаэль, Наполеон, Дарвин, Байрон, Диккенс, Толстой, Ницше и прочие?..

– Некоторых слышал.

– Они – люди.

– Все конечно.

– Брат мой! – вскричал Фаворский, – ты и я – во тьме. Но там... там, у них, сколько света, гения, подвигов, божественного восторга! Лучезарность! И слава! И высокое... выше горного снега! Вот образец!

– Сумнительно. Потому они, хотя и высоко летают, иначе

было всего.

– Как – всего?

– А так. Водку пили... ну, вино, один черт, в карты играли и женщинами баловались.

– Вы глупый, Чугунов, очень глупый.

– Величия души не имею. Душа у меня, так говоря, тесная, с подковырцем. Зацепит за что – давай! А зацепок у меня не занимать стать. Да вы кто будете?

– Валентин Прокопиевич Фаворский, сын диакона, а службу... сейчас я не служу, без места.

– Так. С папашей изволите жить?

– Да... с папашей.

– Вот зацепки, я говорю. Пожрать, похряпать, для меня первое дело. Нынче едок-то, знаете, более в зубах ковыряет, чем вилкой по жареному. Я на это дело крутой. Ем – за ушами трещит! Выпить горазд, чайку попить – ах, хорошо! И люблю я еще, друг ты мой, самую лакомую сладость, нежный пол; падок, падок я, охотник большой.

– Ты циник, – сказал, щурясь, Фаворский, – обжора и циник. Кто ты?

– Циник-с, как говорите.

– А еще?

– Лесом торгуем.

– Слушай же! – Фаворский закрыл лицо рукой, и пьяные слезы выступили на его глазах. Он смахнул их. – Эх! Слушай!

Сбиваясь, путаясь и волнуясь, стал он рассказывать о жизни Леонардо да Винчи, восхищаясь непреклонным, независимым духом великого флорентийца.

Чугунов слушал, выпивал и вздыхал.

Трактир закрывался.

II

Долго глухая декабрьская ночь ворочалась над Фаворским и Чугуновым, пока, присмотревшись друг к другу и блуждая из кабака в кабак, не пришли они к взаимному молчаливому соглашению. Суть этого соглашения можно выразить так, как выразил его, бессознательно, Чугунов: «Урезамши... и тово». Случилось же так, что Фаворский, подняв голову, увидел себя дома; на столе перед ним горела свеча, валялись медные и серебряные деньги, карты, а против Фаворского, скривив от жадности и усердия рот, сидел Чугунов, стараясь не разронять ползущие из хмельных пальцев карты.

– Прикуплю, – сказал Чугунов, – дай-ка праведную картишку.

– Мы где? – встряхнулся Фаворский. – Стой! Я узнаю. Ты у меня на кладбище. Но... кто кого?

– Чего?

– Кто кого привез сюда, мещанин? Ты меня, или же я тебя?

– Где упомянуть, ехали, водочки захватили...

– А... з-зачем?

– Для чтения. Как вы обещали меня убеждать. И обещал ты мне еще, ваше благородие, книгу о гениях подарить.

– Гадость! Гадость! – сказал Фаворский, и бледное, как бы

зьябкое лицо его подернулось грустью. – Как низко я пал, как срамен и мал я! Я слышу, вот лает собака... но где папаша? Где сестра Липа, девушка скромная, труженица... Где они, мещанин?

– Где? – посмотрев в колоду, переспросил Чугунов, – а их вы сперва Шекспиром выгнали, опосля поддали Бетховеном, они не стерпели, ушли, значит, к соседям, боятся вас.

– Меня?! Это обидно. Да, мне тяжело, мещанин. За что?

Игра снова наладилась. Чугунов явно мошенничал, и скоро Фаворский отдал ему все свои четыре рубля.

– Что ставишь? Выпей-ка! Во-от!

– Выпил. Нечего ставить мне; все.

– Чего там! Играй. Валяй на гениев, какие они у тебя есть.

– Книжки? – удивленно воззрился Фаворский. – Гм... Однако.

– Однако! – передразнил Чугунов. – Мутят эти тебя книги, голова еловая, вот что! За ними ты, как за лесом, дерев не видишь! Жить бы тебе, как люди живут, без вожжи этой умственной. Эх! не я тебе отец, дедушка.

Злоба и страдание блеснули в глазах Фаворского. Молча подошел он, хватаясь за стены, к полке, где, аккуратно сложенная, желтела пачка тоненьких, четвертаковых книжек¹, бросил их с размаха на стол так, что, дрогнув копотью, прыгнул огонь в лампе, и грозно сказал:

– Мои постоят! Циник – я раздену тебя!

¹ Четвертаковые книжки – книги, стоимостью 25 коп.

– Сию минуту. – Чугунов плотно пощупал книжки. – По гривенничку принимаю, ежели ставишь.

– По гривенничку! Хорошо. Чугунов, мечтал ли ты... в детстве... быть великим героем? А?

– Пороли меня, – сказал, тасуя карты, Чугунов.

В натопленной комнате, медленно выступая по холщовой дорожке, появился котенок. Наивно прищурившись на игроков, сел он и стал умываться. За окном белели снежные кресты кладбища. Звонко бил в чугунную доску сторож.

– Лессинга! – говорил Фаворский. – Пять.

– Семь.

– Свифт и Мольер!

– Прикуп. Четыре!

– Очко. Жри.

– Кого еще?

– Байрон. Нет, стой: полтинник. Байрон, Наполеон, Тургенев, Достоевский и Рафаэль.

– Много! Сними!

– Снял... Рафаэля.

– Ну, ладно. Мои: девять.

– Моцарт!

– Шесть!

– Тэн!

– Семь.

– Стэнли и Спенсер!

– Должно, англичане. Пять!

- Два. Мещанин, ты дьявол!
- Нет-с, Чугунов. Мы по лесной части.
- Данте, Гейне, Шекспир!
- Тебе сдавать.
- А где, мещанин, водка?

III

У свежей, еще пустой могилы, вспухшей по краям от мерзлой земли, выброшенной наверх заступом, качался подвешенный к палке фонарь. Могильщик ушел в сторожку подкрепиться; сторож, в складчину с ним, купил рябиновой, а горячая уха кипела на огненном шестке паром и брызгами.

Глухо, тихо было вокруг свежей могилы, ожидающей неизвестного своего хозяина. Под снежными елями войском стояли бесчисленные кресты, напоминая беспомощно распростертые руки странных существ. Мерещились во тьме решетки, следы по снегу вокруг них, покорные следы живых, вздыхающих у могил. Свет фонаря падал на заступ, брошенные тут же рукавицы и мерзлую глину.

Фаворский провожал гостя. Он был почти в бессознательном состоянии; дик и яр был разошедшийся Чугунов. Под мышкой у него торчала пачка выигранных книжек. Деревянный помост шел мимо могилы. Поравнявшись с ней, Чугунов заглянул в дыру и сказал:

– Похоронить разве?

– Кого?

– Я денег не жалею, – сказал, подбоченясь, Чугунов. – Что выиграл, то это есть удовольствие. А? Могу я распорядиться?

Фаворский, покачиваясь, молчал.

– В яму! – вскричал Чугунов и, взяв пачку, швырнул ее в пасть земли. – Вот как есть мое имущество. Как звали-то их?

– Г-гюго...

– Ну вот: в дыру. А еще?

– Гегель...

– В дыру!

– К-кант...

– В дыру! А хочешь, я тебе часы покажу? Вчера задешево купил. – Он наклонился над могилой и ухмыльнулся. – Не смущай!

– Х-хочу! – сказал, заливаясь слезами, Фаворский. – Всего хочу! Чаю, и жратвы, и пирожков! И водочки! И часов! И женщин! Голодный я! Милый! Поедем! А?

– Что ж! – весело сказал Чугунов. – Прогулять разве десятку еще? Позабавил ты меня, Валентин...

Чуть рассвело. Фаворский по розовой от зари снежной тропинке шел через пригородный лесок к кладбищу. В пушистом лесу было чисто и тихо, как в облаках, когда, застыв над полями, белеют они воздушно и стройно. Искристые хлопья снега висели кругом, и ели, ометанные розовыми сугробами, светились под зимним голубым небом.

Наступал праздник, но не для тех, кто рождается раз и умирает один только раз и боится этого. Да и родился ли Фаворский когда-нибудь? Не всегда ли он жил, питаясь великими мертвецами?